

БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ: ПРОБЛЕМЫ БИОГРАФИИ И МЕМУАРНОГО НАСЛЕДИЯ А. Т. БОЛОТОВА

УДК 929

К ВОПРОСУ О СЛУЖЕБНОМ ПОЛОЖЕНИИ А. Т. БОЛОТОВА В КЁНИГСБЕРГЕ

*М. П. Милютин*¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
Поступила в редакцию 15.12.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-8

Статья посвящена вопросу о служебном положении А. Т. Болотова в кёнигсбергский период его жизни (апрель 1758 года – март 1762 года). Рассматривается историко-графическая традиция, восходящая к мемуарам Болотова, соответствующая часть которых была создана через 30 с лишним лет после описанных событий. На основе сопоставления мемуаров с перепиской Болотова кёнигсбергского времени и архивными материалами о деятельности российской администрации Восточной Пруссии в годы Семилетней войны делается вывод о двойственном характере статуса Болотова, который, несмотря на службу переводчиком при губернаторской канцелярии, никогда не был официально причислен к ее штату. Это позволяет уточнить роль, которую Болотов играл в деятельности местной российской администрации, и прояснить его отношение к службе в переломный в этом отношении для российского дворянства период.

Ключевые слова: А. Т. Болотов, Н. А. Корф, В. И. Суворов, мемуары, Семилетняя война, Восточная Пруссия, Кёнигсберг, российское дворянство.

Исследователи жизни и творчества Болотова, описывая его пребывание в Кёнигсберге, чаще всего буквально следуют за воспоминаниями, в которых делается акцент на службе переводчиком губернаторской канцелярии. В мемуарах этот автобиографический факт играет важную морально-дидактическую роль и интерпретируется как пример действия «Провидения», «пекущегося» о судьбе автора (см., например, Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 693). Уже в рассказе о первом привлечении к переводам официальных бумаг, которое состоялось в конце весны 1758 года, Болотов подчеркивает значимость этого события: «Таким образом сделался я вдруг из военного человека приказным или, по крайней мере, должен был иметь дело уже не с ружьем, а с пером и чернилами... От прежних же своих товарищей сделался я так удален, что и сведения не имел, что у них между собою происходило, да и узнать то всего меньше старался» (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 695, 700).



В дальнейшем Болотов неоднократно возвращается к теме своего служебного положения, упоминая, что из Архангелогородского полка он во все время своего пребывания в Кёнигсберге так и не был исключен и числился в его 3-м (резервном) батальоне, а в распоряжение губернатора был взят «только приватно и на время» (Болотов, 1870—1873, т. 1, стб. 799). Принадлежность к штату полка несколько раз грозила ему направлением к действующей армии, чего он смог избежать. Все эти ситуации подробно описаны в мемуарах, и все же идентификация себя как переводчика губернаторской канцелярии превалирует. Так, повествуя о начале своей службы при Корфе, Болотов отмечает: «...сделался я к штату его власно приобщенным» (Болотов, 1870—1873, т. 1, стб. 738). Эта тенденция нашла наиболее яркое выражение в составленной в 1821 году «Автобиографии», в которой Болотов пишет о себе в 3-м лице следующее: «...взят он был в его канцелярию для переводов нужнейших вступающих в канцелярию сию немецких бумаг, которую должность как при помянутом генерал-губернаторе Корфе, так и при преемниках его, генералах В. И. Суворове и П. И. Панине, и исправлял он во все достальное время прусской войны, исправляя иногда при генералах сих и адъютантскую должность и другие разные препоручаемые ему комиссии» (НИОР РГБ. Ф. 475. Карт. 1.1. Л. 2).

Именованье Болотова канцелярским переводчиком стало общепринятым уже в его ранних биографиях (Андрей Тимофеевич Болотов, 1838, с. 185; Из записок Андрея Тимофеевича Болотова, 1858, с. 4). Главным критиком такого понимания служебного положения Болотова стал Д. Ф. Масловский, который трактовал поведение Болотова, «временно прикомандированного к управлению начальника тыла», как сознательное уклонение от полковой службы с помощью разного рода уловок, на которые почему-то благосклонно смотрели кёнигсбергские губернаторы (Масловский, 1886, с. 43, прим. 38). Оценки Масловского, основанные на внимательном прочтении воспоминаний, не нашли поддержки среди исследователей. В частности, Е. Н. Щепкина в работах о жизни Болотова воспроизвела формулировку «прикомандированный к канцелярии переводчик» и попросту умолчала о его сложном отношении к армейской службе (Щепкина, 1890, с. 162; Венгеров, Щепкина, 1897, с. 93). Авторитет работ Щепкиной, стремление поддержать интерес к запискам Болотова как историческому источнику, симпатии к личности их автора обусловили следование такому подходу и в более поздних очерках жизни Болотова (см., например, Ронский, 1931, с. XLIV; Бердышев, 1988, с. 77; Лазарчук, 1988, с. 115; Rexheuser, 1995, S. 90). О принадлежности Болотова к Архангелогородскому полку в Кёнигсберге пишет Г. В. Кретицин, но в данном случае он не идет далее краткой констатации фактов, почерпнутых из мемуаров (Костяшов, Кретицин, 2001, с. 34). В последней по времени значительной работе о жизни Болотова его кёнигсбергские служебные коллизии совсем не упоминаются (Щеблыгина, 2003, с. 60—61).

Сам факт активной деятельности Болотова при кёнигсбергских губернаторах не вызывает сомнений. Но следы этой деятельности в документах российской администрации Восточной Пруссии (РГАДА. Ф. 25. «Кёнигсбергская канцелярия». Оп. 1) обнаруживаются с трудом.



В частности, это касается разных «препоручаемых» Болотову «комиссий». Например, при обновлении полковых знамен, которое производилось в Кёнигсберге под руководством капитана 3-го батальона Архангелогородского полка Кемецкого, Болотов, по его словам, осуществлял надзор над немецкими живописцами, рисовавшими полковые гербы (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 975–976). Но в деле о «строении знамен» из фонда Кёнигсбергской канцелярии (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 257) нет упоминаний о Болотове. То же самое можно сказать о поручении Болотову Корфом в 1759 году сделать рисунки для штемпелей российских монет, к выпуску которых приступал кёнигсбергский монетный двор (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 899–900). В соответствующей документации (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 148, 163) сведения об этой «комиссии» Болотова также не обнаруживаются. Еще более показательно, что в обширном деле «О чиновниках при Кёнигсбергской губернаторской канцелярии» (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3) имя Болотова ни разу не встречается. На наш взгляд, это связано с сознательным стремлением властей свести упоминания о Болотове в документации к минимуму, что было обусловлено двойственностью его положения: будучи активным сотрудником и немаловажным лицом в ближайшем окружении губернаторов, Болотов не состоял в штате канцелярии. Этим он был и удобен, и неудобен для администрации.

Самая очевидная выгода была финансовой: Болотов не получал за свою работу казенных денежных средств от губернаторов. Жалование Болотову продолжало выплачиваться по штату Архангелогородского полка. Стремление к экономии содержания канцелярских служащих, вероятно, было косвенной причиной попадания Болотова в переводчики. Сам он объясняет отсутствие переводчика среди прибывших с Корфом летом 1758 года канцеляристов случайной забывчивостью (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 739–740). Действительно, в обширной переписке, посвященной набору младших сотрудников канцелярии, которую Корф перед отъездом в Пруссию вел со службами Сената, а те, в свою очередь, с главами учреждений, откуда Корф хотел получить себе канцеляристов (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–87), не упоминается о переводчике. Связано это, по-видимому, было с тем, что вместо штатного переводчика планировалось получить сотрудника, способного работать с документами на немецком языке. Таковым, вероятно, был затребованный из Рижской губернаторской канцелярии подканцелярист Ф. Воинов (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3. Л. 8). Однако не все требования Корфа были выполнены, и Воинов среди канцелярских служащих, прибывших в Кёнигсберг, не значится (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3. Л. 87–94, 117–119), что и обусловило острую необходимость в переводчике.

Просьбы о присылке переводчика стали направляться в Петербург сразу после прибытия Корфа в Кёнигсберг. Лишь осенью 1759 года к нему были присланы студенты и гимназисты Московского университета, но они были признаны неспособными к переводам в канцелярии и отправлены для продолжения обучения в Кёнигсбергский университет (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 937–939; см. также: Костяшов, Кретинин, 1999, с. 70–72), а переводчиком остался Болотов. Сам он связывал бла-



гополучное для него развитие этой истории с симпатией, которую испытывали члены администрации к нему лично, и с их желанием удерживать его при канцелярии. По тем же причинам, с его точки зрения, с требованием переводчиков из России вообще «не слишком поспешаемо было» (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 857). Документальные материалы позволяют уточнить это мнение.

Корф, будучи человеком весьма влиятельным, любил выступать в роли благодетеля своих сотрудников и способствовал их карьере. В Кёнигсберге ближайшими его сотрудниками были два советника. Один из них — П. Вестфален (ум. после 1768 года), состоявший в гольштейнской службе, был личным секретарем Корфа и по его ходатайству в сентябре 1759 года был принят в русскую службу с сохранением чина надворного советника. Второй, И. фон Бауман (ум. после 1779 года), в сентябре 1760 года был произведен в коллежские советники. В соответствующих прошениях в Конференцию Корф утверждал, что переводчика при его канцелярии нет и советники сами вынуждены «с наибольшим прилежанием упражняться в переводе», что преподносилось как одна из их важнейших заслуг (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3. Л. 97, 98 об. — 99). Представляется, что наряду с несомненной личной симпатией Корфа к Болотову (в начале 1762 года Корф добился его перевода в свой штат в Петербург), столь длительное и эффективное спекулирование на теме отсутствия переводчика может объяснить и удержание Болотова в Кёнигсберге, и умалчивание о нем в документации.

Губернатору периодически досаждали из главной квартиры армии требованиями отправить Болотова в полк (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 854–857, 936, 990–995). Корф, судя по всему, игнорировал эти послания, инициатором которых был командир Архангелогородского полка кн. П. С. Долгоруков (1726–1769). Соответствующая переписка между губернаторской администрацией и канцелярией главнокомандующих не отложилась в делах о чиновниках кёнигсбергской канцелярии, но можно предположить, что вопрос об оставлении Болотова в Кёнигсберге при резервном батальоне (фактически же при канцелярии) решался в основном благодаря личному влиянию Корфа, который, по воспоминаниям Болотова, в 1760 году так выразил свою позицию: «Требовать вас хотя и требуют, однако мы и в сей раз вас никак не отпустим, вы и здесь не баклуш бьете, а столько ж государыне своей или еще более служите, нежели другие многие; а сверх того похвальным образом делаетесь еще и с другой стороны отечеству полезными» (Болотов, 1870–1873, т. 1, стб. 993–994). Однако положение Болотова при канцелярии оставалось шатким и неформализованным, что объясняет отсутствие его имени в документах. Хотя переводов, написанных рукой Болотова, в делах Кёнигсбергской канцелярии обнаруживается немало (образцы его почерка кёнигсбергского времени хорошо известны), бумаги за его подписью встречаются крайне редко (например, на переводе прошения кёнигсбергского купца Ф. Сатургуса на имя Елизаветы в апреле 1759 года стоит подпись: «Переводил подпоручик Андрей Болотов» (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 182. Л. 28)).

В начале 1761 года Корф был заменен на посту губернатора В. И. Суворовым. Вступление в должность нового губернатора было



торжественным, а передача дел тщательной. В этих условиях скрывать деятельность Болотова было невозможно и для Корфа не имело смысла. Он, напротив, представил Болотова Суворову и охарактеризовал его с самой лучшей стороны (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 34). При этом в «Реестре обретающимся при канцелярии советникам, ассессору, канцелярским служителям», приложенном к протоколу о передаче дел от Корфа Суворову от 05.01.1761 года, появился поручик Андрей Болотов, обозначенный как переводчик в составе «немецкой экспедиции» при советниках Баумане и Вестфалене (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 316. Л. 21). Чем это обернулось для Болотова, хорошо известно по его мемуарам и по дружеской переписке с Н. Е. Тулубьевым (1735—1761), которую они вели с ноября 1760 по март 1761 года. Суворов приказал отправить представление главнокомандующему Бутурлину с просьбой оставить Болотова при канцелярии, причем текст было поручено написать самому поручику (Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву, 2013, с. 383). Пришедшее в конце января из канцелярии Бутурлина распоряжение не оправдало надежд Болотова: «В нем... сказано только, что буде я в армии быть неспособен, то оставить меня дозволяется, а буде человек молодой и в армии быть могу, то отправить бы меня с баталионом» (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 40). Затянувшееся затем на несколько недель дело об отправлении Болотова к полку (3-й батальон за это время успел выступить из Кёнигсберга и соединиться с армией) излагается в письме Тулубьеву от 17.02.1761 года, написанном сразу после решительного разговора с Суворовым. Оно начинается фразой: «Ну, голубушка братец, теперь дело мое получило уже окончание, я спущен, и мне велено собираться» (Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву, 2013, с. 378). Однако после долгих колебаний Суворов устно разрешил Болотову остаться в Кёнигсберге как минимум до нового распоряжения о нем от главнокомандующего, обещав при необходимости написать «может быть, тогда что-нибудь, могущее служить к... извинению и оправданию в том» (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 53). А поскольку второго приказа от Бутурлина так и не последовало, то Болотов жил на протяжении всего 1761 года в Кёнигсберге на совсем уж полулегальных основаниях.

Пользу от пребывания при канцелярии опытного и бесплатного переводчика наверняка продолжали учитывать, но с января 1761 года в канцелярии переводчиком работал один из прибывших полтора года назад студентов И. Садовский (1736—1762), так что необходимость в переводах Болотова существенно уменьшилась. В мемуарах Болотов отмечает, что, несмотря на помощь, которую он оказывал Садовскому, интенсивность его собственной работы стала гораздо ниже. Он получил больше свободного времени, которое тратил на самообразование, посещая занятия по философии в университете и занимаясь чтением и писанием у себя на квартире. Но если заинтересованность в Болотове-переводчике при Суворове была уже не так велика, то личные симпатии к нему у нового губернатора были, скорее всего, даже выше, чем у Корфа. Как и отец Болотова, Суворов принадлежал к той части отечественного благородного сословия, которая в переломную для дворян-



ства первую половину XVIII века не только сумела прочно вписаться в офицерский корпус новой российской армии, но и достигла высоких чинов. По воспоминаниям Болотова, Суворов при первой же встрече сказал, что «родителя» его «знал довольно» (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 34). Молодой Болотов, рано лишившийся отца, вполне подходил Суворову в сыновья по возрасту, происхождению и образованию (в Кёнигсберге Суворов жил с двумя дочерьми 17 и 16 лет, и размышления об их будущем замужестве вполне могли подпитывать его интерес). В мемуарах Болотов неоднократно упоминает о частных беседах с губернатором. Показательно, что вопреки отзывам многих современников, рисующих Суворова деспотичным, скупым и суровым человеком, личное впечатление Болотова осталось весьма позитивным: «...я во все время пребывания моего у него под командою не мог на него ни в чем маленьком пожаловаться и кроме ласки и благоприятства ничего от него не видал» (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 54).

И все же неопределенный служебный статус Болотова должен был беспокоить губернатора. Сторонник строгой дисциплины, Суворов не без труда согласился на его проживание в Кёнигсберге вопреки указанию из армии. В сравнении с Корфом положение Суворова в губернаторском кресле было несколько иным. Если баловень судьбы Корф, имевший колоссальные связи при дворе, вел себя на губернаторском посту по вице-королевски и ничуть не уступал в статусе главнокомандующим Фермору и Салтыкову, что сказывалось и на их деловом общении, то Суворов очевидно имел меньший вес, чем фельдмаршал Бутурлин. В письмах из канцелярии Бутурлина Суворову проскальзывают повелительные нотки, фельдмаршал отдает поручения, делает замечания и дает инструкции губернатору. До своего назначения на губернаторский пост Суворов был генерал-провиантмейстером заграничной армии, а значит, недавно находился в прямом подчинении у главнокомандующего. В этой ситуации конфликт с армейским начальством для Суворова был не только нежелательным, но и невозможным. Поэтому Суворов советовал Болотову руководствоваться в отношении отъезда к армии известной поговоркой «дело не малина, летом не опадет» (Болотов, 1870—1873, т. 2, стб. 53), привлекая к себе поменьше внимания. Неудивительно, что в официальных документах этого времени имя Болотова вновь почти не встречается, и никаких ответственных поручений Суворов ему не дает.

Единственное исключение составляет «комиссия», описанная в 87-м письме воспоминаний: рассказ об аресте Болотовым прусского «графа Гревена», на которого слуга заявил российским властям «слово и дело». Эта история находит полное соответствие с делом барона Й. цу Эйленбурга (1722—1787), которое отложилось в фондах Тайной канцелярии (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2015) и Кёнигсбергской канцелярии (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 371). В последнем содержится «Инструкция Архангелогородского 3-го батальона поручику Болотову», данная в Кёнигсберге 21.05.1761 года (РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 371. Л. 4—5 об.), согласно которой он осуществил арест. В двух объемных делах это единственное упоминание о Болотове. Отсутствует его рапорт о выполнении задания,



в доношении Суворова в Тайную канцелярию (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2015. Л. 1—1 об.) не называется имя командира осуществлявшей арест команды. Все это, на наш взгляд, опять свидетельствует о нежелании афишировать факт пребывания Болотова в Кёнигсберге. Но «дело Гревена» как нельзя лучше подходило в качестве «извинения и объяснения», почему губернатор оставил Болотова в своем распоряжении. Необходимости в таком объяснении, однако, так и не возникло (подробнее о «деле Гревена» см.: Веселова, Милютин, 2019).

Таким образом, вплоть до отъезда Болотова в Петербург его служебное положение при кёнигсбергской губернаторской канцелярии оставалось не только ничем официально не подкрепленным, но и, по сути, полулегальным. Что, впрочем, не мешало ему впоследствии именовать себя «переводчиком при канцелярии», выдвигая на первый план фактическое положение дел. Отметим, что двусмысленное и шаткое служебное положение не могло не тяготить самого Болотова. И это можно считать одной из причин появления у него уже в Кёнигсберге желания уйти со службы ради деревенской жизни, которое отразилось в письмах к Тулубьеву (Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву, 2013, с. 303, 353). К счастью, этому желанию суждено было вскоре реализоваться.

Список литературы

- Андрей Тимофеевич Болотов // Земледельческий журнал. 1838. №5. С. 183—197.
Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов. М., 1988.
Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков : в 4 т. СПб., 1870—1873.
Венгеров С. А., Щепкина Е. Н. Болотов Андрей Тимофеевич // Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых : в 6 т. СПб., 1897. Т. 5. С. 90—122.
Веселова А. Ю., Милютин М. П. «История графа Гревена» в мемуарах А. Т. Болотова: исторический контекст и литературная обработка // Литературная культура XVIII века. Вып. 8. СПб., 2019. С. 387—413.
Из записок Андрея Тимофеевича Болотова // Библиотека для чтения. 1858. Т. 148, №3. С. 1—70.
Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Петровское начало: Кёнигсбергский университет и российское просвещение в XVIII в. Калининград, 1999.
Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Россияне в Восточной Пруссии : в 2 ч. Калининград, 2001. Ч. 1.
Лазарчук Р. М. Болотов Андрей Тимофеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. С. 114—117.
Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. Вып. 1.
Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву (1760—1761). Публикация А. Ю. Веселовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 293—396.
Ронский С. М. Болотов и его время // Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков : в 4 т. М. ; Л., 1931. Т. 1. С. 16—52.
Щеплыгина И. В. Андрей Тимофеевич Болотов: Гармония мира и души. М., 2003.
Щепкина Е. Н. Старинные помещики на службе и дома. СПб., 1890.
Rexheuser A. Andrej Bolotov. Königsberg als Bildungserlebnis eines russischen Aufklärers // Königsberg und Riga. Tübingen, 1995. S. 87—121.



Список сокращений

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Об авторе

Михаил Павлович Милютин, преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: miljutin777@yandex.ru

Для цитирования:

Милютин М.П. К вопросу о служебном положении А.Т. Болотова в Кёнигсберге // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 96–104. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-8.

ON THE EMPLOYMENT STATUS OF ANDREI BOLOTOV IN KÖNIGSBERG

M. P. Miliutin¹

¹ St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia
Submitted on December 15, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-8

This article deals with Andrey Bolotov's official employment status during his time in Königsberg (April 1758 – March 1762). The work considers the historiographic tradition originating from Bolotov's memoirs, the Königsberg pages of which were written more than 30 years after the events described. Bolotov's memoirs are compared with his correspondence of the time and the archival materials of the Russian administration of East Prussia during the Seven Years' War. It is concluded that Bolotov's status was ambivalent. Although serving as a translator at the governor's office, he never had an official rank. The study makes it possible to clarify the role that Bolotov had in the local Russian administration as well as to understand his attitude to service in that difficult period for the Russian nobility.

Keywords: Andrey Bolotov, Nikolay Korf, Vasily Suvorov, memoirs, Seven Years' War, East Prussia, Königsberg, Russian nobility.

References

Maslov, A.S., 1838. Biography of Andrei Timofeevich Bolotov. *Zemledel' cheskii zhurnal* [Agricultural Journal], 5, pp. 183–197 (in Russ.).

Berdyshev, A.P., 1988. *Andrei Timofeevich Bolotov* [Andrei Timofeevich Bolotov]. Moscow (in Russ.).

Bolotov, A.T., 1870–1873. *Zhizn' i priklyucheniya Andreyya Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants]. Vol. 1–4. St. Petersburg (in Russ.).



Vengerov, S. A. and Shchepkina, E. N., 1897. Bolotov Andrei Timofeevich. In: S. A. Vengerov, ed. *Kritiko-bibliograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh* [Critical and bibliographic dictionary of Russian writers and scientists]. Vol. 5. St. Petersburg. pp. 90–122 (in Russ.).

Veselova, A. Yu. and Miliutin, M. P., 2019. «History of Count Greven» in the A. T. Bolotov's memoirs: historical context and literary processing. In: P. E. Bukharkin and E. M. Matveev, eds. *Literaturnaya kul'tura XVIII veka* [Literary Culture of the 18th Century]. Vol. 8. St. Petersburg. pp. 387–413 (in Russ.).

Pisarev, D. I., 1858. From notes by Andrei Timofeevich Bolotov. *Biblioteka dlya chteniya* [Reading library], 148 (3), pp. 1–70 (in Russ.).

Kostyashov, Yu. V. and Kretinin, G. V., 1999. *Petrovskoe nachalo: Kenigsbergskii universitet i rossiiskoe prosveshchenie v XVIII v.* [Petrovsky beginning: Königsberg University and Russian education in the XVIII century]. Kaliningrad (in Russ.).

Kostyashov, Yu. V. and Kretinin, G. V., 2001. *Rossiyanе v Vostochnoi Prussii* [Russians in East Prussia]. Vol. 1. Kaliningrad (in Russ.).

Lazarchuk, R. M., 1988. Bolotov Andrei Timofeevich. In: A. M. Panchenko, ed. *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the 18th century]. Vol. 1. Leningrad. pp. 114–117 (in Russ.).

Maslovsky, D. F., 1886. *Russkaya armiya v Semiletnyuyu voinu* [The Russian army in the Seven Years War]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Veselova, A. Yu., 2013. Letters of A. T. Bolotov to N. E. Tulubeyev (1760–1761). Publication by A. Yu. Veselova. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House], 2012, pp. 293–396 (in Russ.).

Ronsky, S. M., 1931. Bolotov and his time. In: S. M. Bolotov, ed. *Zhizn' i priklyucheniya Andreyа Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants]. Vol. 1. Moscow. pp. 16–52 (in Russ.).

Shchablygina, I. V., 2003. *Andrei Timofeevich Bolotov: Garmoniya mira i dushi* [Andrei Timofeevich Bolotov: Harmony of the world and soul]. Moscow (in Russ.).

Shchepkina, E. N., 1890. *Starinnye pomeschiki na sluzhbe i doma* [Ancient landowners in the service and at home]. St. Petersburg (in Russ.).

Rexheuser, A., 1995. Andrej Bolotov. Königsberg als Bildungserlebnis eines russischen Aufklärers. In: H. Ischreyt, ed. *Königsberg und Riga*. Tübingen: Niemeyer. pp. 87–121.

The author

Mikhail P. Miliutin, Lecturer, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: m.milutin@spbu.ru

To cite this article:

Miliutin, M. P. 2020, On the military service position of Andrei Bolotov in Königsberg, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 96–104. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-8.